
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5 (107)

1978

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД,
ИЗДАЕТСЯ С 1958 г.

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

ОБ ЭПИГРАФЕ К ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ»

Н. А. Мещерский

К числу устойчивых выражений традиционно-книжного происхождения, обогативших собою фонд «крылатых слов» современного русского языка, может быть отнесен ветхозаветный библейский текст, избранный М. Ю. Лермонтовым в 1839 г. в качестве эпиграфа к поэме «Мцыри»: «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю. 1-ая Книга царств»¹. Источник эпиграфа указан поэтом в самой общей форме, без обозначения главы и стиха. Комментаторы собраний сочинений М. Ю. Лермонтова тоже не указывают с большей точностью на место заимствованного из Ветхого завета эпиграфа. Единственная специальная работа среди трудов, посвященных творчеству Лермонтова, в которой делается попытка объяснить идейный смысл разбираемого эпиграфа, — это статья Н. Любович². Однако и там не отмечается, из какой главы и стиха библейского произведения взята цитата. Что же касается пересказа того эпизода, который послужил сюжетным фоном избранных Лермонтовым слов, то изложение его дается в статье весьма суммарно и с немалым числом искажений содержания и словесной формы. Между тем все подробности рассказа ветхозаветной книги важны, по нашему мнению, для правильного восприятия и понимания его идейно-художественного значения.

Целью нашей заметки является раскрытие смысла эпиграфа.

В названной Лермонтовым Первой Книге царств (по древнееврейскому оригиналу — это Первая книга Самуила) эпизод, откуда заимствуется эпиграф, читается в главе 14, ст. 22 по 45. По церковнославянскому переводу стих 43 гласит: «И рече Саулъ ко Ионафану: възвѣсти ми, что сотворилъ еси; и възвѣсти ему Ионафанъ, и рече: «Вкушая вкусихъ мало меду омочивъ конецъ жезла, иже въ руку мою, и се азъ умираю»³.

Цитата у Лермонтова достаточно точно воспроизводит источник, однако для полного понимания того, почему поэт выбрал в качестве приступа к своей поэме именно данное библейское изречение, необходимо привлечь более широкий контекст.

В указанной главе рассказывается о борьбе в XI в. до н. э. главы первого объединенного палестинского государства Саула с враждебными племенами филистимлян, вторгшихся в пределы восточного побережья Средиземного моря с Эгейских островов. После одного из сражений с филистимлянами у Ефремовой горы воины Саула были весьма утомлены, и Саул (по оценке событий, даваемой в источнике: «сотвори безумие велие», т. е. очень безрассудно) дал народу заклятие, сказав: проклят, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим. И никто из народа не вкушал пищи. И пошел десятитысячный отряд во главе с сыном Саула Ионафаном в лес. И был там на поляне мед (т. е. соты с медом диких пчел). Но никто не протянул руки своей к меду, ибо народ боялся заклятия. Ионафан же не слышал о заклятии

и протянул конец палки, бывшей в руке его, обмакнул ее в медовый сот и обратил рукою к устам своим, и просветлели глаза его. Когда кто-то из шедших с Ионафаном сказал ему о заклятии, данном отцом его, Ионафан ответил осуждением этого неразумного заклятия, сказав, что поражение филистимлян было бы большим, если бы народ «поел от добычи». Когда вслед за тем удалось захватить обоз филистимлян, народ накинулся на овец, волов и телят, захваченных у врагов; животных тут же, в поле, предавали закланию и пожирали мясо с кровью, что было строго запрещено в законодательстве Моисея. Узнав о нарушении заклятия, Саул счел это тягчайшим грехом. Он обратился к богу Йахве с вопросом: преследовать ли ему филистимлян, но ответа от оракула не было.

Тогда Саул отдает распоряжение собраться всем старейшинам народа, чтобы определить, на ком именно лежит грех нарушения заклятия. Старейшины становятся по одной стороне судного поля, Саул с сыном — по другой. Царь обращается к богу с молитвой, чтобы получить от него знамение, кто виновен. По жребию уличены Саул и его сын. Тогда царь еще раз приказывает бросить жребий между ним и сыном. Жребий падает на Ионафана. И сказал Саул Ионафану: расскажи мне, что сделал ты, и тот рассказал: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду, и вот я должен умереть. Но народ, жалея и уважая Ионафана, который способствовал победе над врагами, единодушно вступился перед царем в защиту его сына. Ионафан был оправдан и избежал казни.

Последний ответ юноши Ионафана отцу и послужил непосредственным источником цитаты у Лермонтова. Если мы сравним эпитафию к «Мцыри» с церковнославянским текстом 1-й Книги царств (см. выше), то заметим, что цитата в эпитафе несколько сокращена по отношению к оригиналу, но ясно передает основной его смысл. Отметим отдельные языковые и стилистические черты в обоих разбираемых вариантах выражения. В начальной части эпитафы у Лермонтова сохранена тавтологическая усилительная форма глагола с депричастием основного глагола в препозиции: вкушая, вкусих⁴. Такое тавтологическое выражение представляет собой яркий языковой семитизм, восходящий к подлиннику и сохраненный как в греческом переводе Септуагинты, так и в церковнославянском тексте. Древнееврейская усилительная форма сообщает оттенок особой интенсивности действию, выраженному глаголом⁵.

Интенсивность действия, выраженного глаголом *вкусих*, внешне вступает в противоречие и «обессиливается» словесным выражением следующего за ним объекта «мало меду». Однако, думается нам, стилистически это противоречие оправдано, так как тем самым как бы подчеркивается ничтожность вины, за которую Ионафан должен понести наказание.

Стилистической чертой, заметно отличающей лермонтовскую цитату от первоисточника, следует признать изменение флексии в родительном падеже существительного *мед*. В церковнославянском тексте это слово закономерно выступает в форме *меду*, так как оно исконно принадлежало к основам на *-*й*, в которой служила лишь показателем падежа, не придавая форме никакого стилистического оттенка. В русском литературном языке уже со времени «Российской грамматики» М. В. Ломоносова противопоставление флексий *-а* и *-у* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода приобрело стилистическую окраску. М. В. Ломоносов писал: «...различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно, и показывает себя нередко в одном имени. Ибо мы говорим: Святаго Духа; человеческого долга; Ангельскаго гласа; а не Святаго Духу; человеческого гласу. Напротив того свойственнее говорится: розоваго духу; прошло-

годняго долгу; птичья голосу; нежели розоваго духа; прошлогодняго долга; птичья голоса»⁶.

В начале XIX в. Н. И. Греч указывал, что формы род. пад. на *-у* встречаются «особенно в просторечии»⁷. Закрепляются эти флексии преимущественно за существительными вещественными и собирательными, приобретаая значение партитива.

Изменив флексию в существительном *мед* в соответствии с современными ему стилистическими нормами, поэт (возможно, бессознательно) перевел это слово из плана вещественности и конкретности в план отвлеченный и возвышенный, что лучше позволило ему оттенить идейную сущность художественного замысла.

В статье Н. Любович показано, что словесный образ «мед земной» в переносном значении «радость жизни» употреблен уже в одном из ранних стихотворений Лермонтова в 1830 г.⁸ Возможно, что к тому же словесному символу может быть отнесено и выражение *медовую тропой* в поэме «Боярин Орша», обычно рассматриваемой как один из ближайших поэтических подступов к поэме «Мцыри».

Заменяв эпиграфом из ветхозаветной библейской Книги царств первоначально избранное им как эпиграф к этой поэме французское изречение «*On n'a qu'une seule patrie*» (Родина бывает только одна) на церковнославянское библейское выражение, Лермонтов преследовал определенные творческие цели. Если в первом эпиграфе на главное место ставилась идея любви к родине, в разлуке с которой томится в заточении и умирает герой поэмы, то колорит церковнославянской библейской цитаты дал возможность поэту перенести основной идейный пафос поэмы на борьбу против традиционного религиозно-аскетического мировоззрения, налагавшего на человечество непереносимый духовный гнет.

Лермонтову, без сомнения, было известно то определение художественной роли эпиграфа, которое читалось в распространенном литературоведческом пособии его времени — «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова: «Эпиграф. Одно слово или изречение, в прозе или в стихах, взятое из какого-либо известного писателя, или свое собственное, которое помещают авторы в начале своих сочинений и тем дают понятие и предмет оных»⁹. Следуя этому общепринятому канону, Лермонтов и в данном случае сумел найти в тексте книги, служившей главной опорой традиционного мирозерцания, слова, которые помогли бы ему, отказавшемуся от этих воззрений, выразить свой глубоко прочувствованный протест против них.

Рассчитывая на восприятие читателей, которым были хорошо известны библейские тексты, Лермонтов не только сравнивает героя своей свободолюбивой поэмы с вызывающим сочувствие образом юноши Ионафана, но, возможно, противопоставляет своего героя библейскому: ведь Ионафану народ не дал погибнуть, юноша избежал казни за нарушение безрассудного обета. Не мог ли и Лермонтов этим эпиграфом поэмы «Мцыри», обращенным к знающему Библию читателю, напомнить ему о «мнении народном», которое расходится с жестоким судом власть имущих и не может не оправдать свободолюбивые порывы героя?!

¹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 6-ти т., т. IV, Изд-во АН СССР, 1956—1958, с. 148.

² Любович Н. «Мцыри» в идейной борьбе 30—40-х годов. — В сб.: Творчество М. Ю. Лермонтова (150 лет со дня рождения). М., Наука, 1964, с. 106—131. В пересказе библейского сюжета отметим ряд важных неточностей: 1) Ионафан не назван сыном царя; 2) о лесе, в который пришел Ионафан с отрядом воинов, сказано, что земля в нем «источала мед»; 3) воины будто бы «последовали примеру Ионафана» (видимо, тоже стали вкушать мед) и др.

³ Цитируем по изданию: Библия, или книги Ветхаго и Новаго завета, XVIII в. (без года издания), л. 137 об.

⁴ Заметим, что в церковнославянском тексте эпитафия не следовало бы отделять запятой форму деепричастия от последующего глагола. Таким отделением нарушается смысловое единство усилительной глагольной формы, выступающей как стилистический библеизм.

⁵ См.: Гезениус В. Еврейская грамматика. Пер. К. Коссовича. СПб., 1874, с. 509.

⁶ Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755, § 173.

⁷ Греч Н. И. Практическая грамматика русского языка. СПб., 1827, с. 64. См. также: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 182—183; Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, с. 59—62.

⁸ Любавич Н. Указ. соч., с. 122.

⁹ Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии, ч. I. СПб., 1821, с. 398.

Ленинград